

которое записал А. Харитонов, с соответствующими фольклорными фрагментами Повести о Мамаевом побоище, и имеет довольно ясные параллели с Задонщиной³⁴.

Существенно, что не оказывается непереходимой грани между «условным» историзмом былин и конкретным историзмом таких жанров как героическое сказание, историческая песня и историческое предание. Очевидно правы те исследователи, которые отказываются усматривать в былинах непосредственную реакцию на исторические события. Но, по-видимому, следует более полно учитывать то обстоятельство, что героическое сказание и историческое предание могло являться своеобразным посредствующим звеном между былиной и историческим фактом.

В. Г. Смолицкий

БЫЛИНА О ДОБРЫНЕ И МАРИНКЕ

Былина о Добрыне и Маринке начинается с описания службы богатыря у князя Владимира. Но на этот раз эта служба заключается не в борьбе с многоголовым змеем, не в освобождении княжеской племянницы и «русских полонов», служба эта не носит и посольского характера, как в былинах о Дунае и Василии Казимировиче. Добрыня служит во дворце князя.

По три годы Добрынушка-то стольничал,
По три годы Добрынушка-то чашничал,
По три годы Добрыня у ворот стоял.
Тово стольничал-чашничал он девять лет... (Г. № 267).

Описание добрыниных должностей очень устойчиво в текстах самых разных мест, записанных в разное время на протяжении XVIII—XX вв. Оно превратилось в постоянную формулу, которую мы встречаем и в Онежских записях (Р, № 188; Г, №№ 17, 78, 227, 267; С-Ч, №№ 210, 212), и в Мезенских (БС 1, № 17), и в Западной Сибири (КД, № 9). Бывает, что какая-нибудь одна из служб отсутствует или заменена другой, но такие замены всегда случайны, единичны и могут быть объяснены испорченностью текста.

³⁴ Подробно см. в упомянутой выше статье «Куликовская битва в славянском фольклоре».

Так, вместо слова «стольничал» в одном тексте мы встречаем «столярничал» (Г, № 288), в другом «настольничал» (С-Ч, № 280). По ассоциации со словом «чашничал» появляются «ложничал» (С-Ч, № 273; Мякушин), «ложкомойничал» (Т-М, № 24), «горшечничал» (К, II, стр. 48); потом ассоциативное мышление могло пойти еще дальше, и появились слова «хлебничал» (К, II, стр. 48) и «пивоварничал» (Г, № 288); еще больше вариантов по смысловой и звуковой ассоциации дают слова «приворотничал», «у ворот стоял». В различных текстах мы обнаруживаем слова: «придверник» (Гр. III, № 55), «дворничал» (Пруссак), «поворотничал» (С-Ч, № 266).

Встречаются и другие должности у Добрыни. Он «хорешничал» (К, II, стр. 41), «приторговывал» (К, II, стр. 48), «пословничал», «водовозничал» (Т-М, № 24), «корабли мостили», он служил «конюхом» (О, № 21), «писарем» (О, № 21 и БС 1 № 61 — оба случая зафиксированы в Усть-Цильме), был «приемщиком» (Мил, прил. 6; Путил. № 215 — оба случая зафиксированы в Терской обл.), был «воеводною, лакеем, управителем, казначеем» (Гр III, № 55), наконец, в одном тексте он просто «бражничал» (Т-М, № 23), а в другом даже «приворовывал» (К, II, 48). Два текста Донской обл. рассказывают о детстве Добрыни: «в люлечке лежал» (Мил, № 22, Лист, № 21), «на дыбочки стоял» (Лист., № 21), «в школу пошел» (Лист, № 21). Ни одна из этих «должностей» и «состояний» Добрыни, заменяющих основные, не встречается чаще 2-х раз, причем случаи двухкратного повторения, как правило, связаны с тем, что оба текста записаны в одной и той же местности.

Только должность «ключника» («ключничал», «золоты ключи держал, носил») встречается 6 раз в текстах, записанных у казаков донских (Мил, № 22, Лист, № 21), оренбургских (Мил, № 25), терских (Мил, прил. 6; Путил), а также один раз на севере, на Печоре (БС 1, № 61). Такое большое количество записей на фоне записей одиночных заставляет видеть здесь какую-то старую традицию. Трудно сейчас сказать, появилась ли должность «ключника» в былине одновременно с возникновением самой былины или позже. Ясно только одно, что появилась она давно и успела превратиться в традицию. Ясно и другое, что «формула службы» в былине всегда была троичной: Добрыня служил 9 лет, по 3 года в каждой должности.

Итак в подавляющем большинстве случаев о службах Добрыни говорится одно и то же: он 3 года стольничал, 3 года чашничал, 3 года у ворот стоял (или был приворотником). В древнерусских памятниках письменности, исторических, деловых, литературных мы неоднократно встречаем и стольников, и

чашиков, и приворотников. В годы польской интервенции была составлена записка о царском дворе, церковном чиноначалии, придворных чинах и пр. Она начиналась следующими словами: «Порядок всяких людей Московского царства тот есть:...»¹. О стольниках и чащниках было записано: «стольники мают повинность перед государя за стол яству носить...» «Чашник пить подносит»².

И. Забелин описывает церемониал царского обеда: «Обыкновенно каждое блюдо, как только оно отпускалось с поварни, всегда отведывал повар в присутствии самого дворецкого или стряпчего. Потом блюда принимали ключники и несли во дворец в предшествии стряпчего... Ключники, подавая яства на кормовой поставец дворецкому, также сначала отведывали каждый с своего блюда. Затем кушанье отведывал сам дворецкий и сдавал стольникам нести перед государя. Стольники держали блюда на руках, ожидая, когда потребуют. От них кушанье принимал крайчий... и... ставил на стол. То же самое наблюдалось и с винами: прежде нежели они доходили до царского чащника, их также несколько раз отпивали и пробовали... Чашник, отведав вино, держал кубок в продолжении всего стола и каждый раз как только государь спрашивал вино, он отливал из кубка в ковш и предварительно сам выпивал, после чего уже подносил кубок царю»³.

В стольники и чащники попадали дети «лучших родов». Котошихин сообщает, что в стольники принимались «боярские ж, и окольничих и думных людей и Московских дворян, и иных чинов людей дети»⁴. Действительно, мы знаем случаи, когда стольниками и чащниками бывали даже князья. Так документы называют стольниками князей Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, Ивана Федоровича Троекурова, Федора Алексеевича Ситцкого, а чащником — князя Бориса Репнина.

В удельное время стольники и чащники управляли особыми ведомствами: «стольничим и чащничим путями». По словам Ключевского, «чащничий путь был ведомством дворцового пчеловодства и государственных путей; в нем ведались села и деревни дворцовых бортников, лесных пчеловодов вместе с бортными дворцовыми лесами. К стольничему пути принадлежали

¹ Акты исторические, собр. и изд. Археографич. ком. (А. И.) т. II. СПб., 1841, стр. 422.

² АИ II, стр. 423.

³ И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. I, М., 1872, стр. 318.

⁴ О России в царствовании Алексея Михайловича, соч. Григ. Котошихина, изд. 4 СПб., 1906, (Котошихин), стр. 25.

дворцовые рыбные ловли и также, кажется, дворцовые сады и огорода с дворцовыми рыболовами, садовниками и огородниками»⁵.

Стольники неоднократно выполняли важные дипломатические и военные поручения своих владык. Уже в Лаврентьевской летописи под 1230 годом рассказывается, как стольник князя Владимира Юрьевича вместе с Митрополитом всея Руси Кириллом, игуменом Киевского монастыря Спаса на Берестовом и епископом Перфурием договаривались о мире между великим князем Георгием и Киевским князем Владимиром⁶. Ипатьевская летопись повествует, как князь Галицкий Даниил послал своего стольника для переговоров с мятежными боярами⁷. Уже в XVII в. стольников, как сообщает Котошихин, «посылают в посольства в послех самих и с послами в товарыщах, и по воеводствам, и для съскных дел...»⁸.

Известны случаи, когда крупные государственные поручения выполняли и чашники. В 1614 г. «прислан был из под Москвы от бояр и ото всей земли чашник и воевода Василий Иванович Бутурлин»⁹ для переговоров со шведским военачальником Делагарди. В 1606 г. Борис Годунов послал своего чашника Никиту Дмитриевича Вельяминова-Зернова под Новгород-Северский с «жалованным словом» князю Федору Ивановичу Мстиславскому и другим воеводам за сражение с самозванцем¹⁰.

Таким образом, в XVI—XVII в. слова «стольник» и «чашник» употреблялись в значении слуги за царским столом и в значении определенного служебного чина. В каком же значении употребляются эти слова в былине?

Необходимо отметить, что в былине мы почти не встречаем слов «стольник» и «чашник» (исключение — 0, № 21). Вместо этих слов, как правило, употребляются другие: «стольничал» и «чашничал». А эти слова могли употребляться только в одном смысле, в смысле прислуживания за столом. Так, в повести о царе Дракуле упоминается его слуга, который «столничаше, пред ним стояще»¹¹. «В записках Придворных и Разрядных, — сообщает Н. И. Новиков в «Древней Российской Вифлиофике», —

⁵ В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. СПб, 1919, стр. 99—100.

⁶ ПСРЛ, т. I, М., 1962, стр. 455.

⁷ ПСРЛ, II, 1843, стр. 179.

⁸ Котошихин, стр. 25.

⁹ Дополнения к актам историческим, СПб, 1846, ч. II (ДАИ), стр. 58.

¹⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею имп. АН СПб, 1836 (ААЭ), т. II, стр. 77.

¹¹ Повесть о Дракуле, М.—Л., 1964, стр. 153.

при описании столов публичных, часто упоминается, что чаши-
ничали стольники...»¹².

Таким образом, былина не присваивает Добрыне никакого государственного звания, она сообщает лишь о том, что богатырь 6 лет прислуживал у княжеского стола сначала с блюдом, а потом с чашей. То, что речь идет не о звании, а о должностях, подтверждается третьим компонентом формулы: 3 года «у ворот стоял», служил «приворотником». «А для остерегания, или оберегания города, в больших городах устроены стрельцы и казаки, вечным житьем, пушкари и затинщики и воротники, а в ыных местах салдаты и бывают около казны и по городу и у ворот на стороне...»¹³. «По кремлевским воротам, — пишет Забелин, — стрелецкий караул располагался следующим образом: у Спасских ворот стояло 30 человек, у Никольских 20 ч., у Тайницких 10 ч.»¹⁴ и т. д. Вот в таком карауле и находился Добрыня. «Приворотник» — не чин, не звание, а служба. Несомненно, что службой являются и первые должности Добрыни.

В формуле о службе Добрыни князю Владимиру обращает на себя внимание странная особенность. Как правило, почти во всех текстах Добрыня «у ворот стоял» последние 3 года. Если учесть, что стольниками и чашниками бывали боярские и дворянские дети, а приворотниками, как правило, посадский люд, то получается, что Добрыня не поднимался по служебной лестнице, а наоборот, опускался. Вряд ли такой нисходящий порядок — случайность, мы склонны видеть здесь определенный замысел, который раскрывается при рассмотрении былины в целом.

Прослужив 9 лет у Владимира, Добрыня отправляется гулять по Киеву. Он заходит в Маринкину улицу, Игнатьевские переулки. На доме Маринки Добрыня видит 2-х целующихся голубей и стреляет в них. Меткий стрелок, победитель в состязании по стрельбе из лука у татарского царя («Добрыня и Василий Казимирович»), Добрыня на этот раз промахнулся: стрела, предназначенная для голубей, пролетела мимо, разбила окно и попала в Змея Горыныча, милого дружка Маринки, находящегося в то время у нее в покоях.

Почему Добрыня стреляет в голубей?

В. Я. Пропп считал, что в этом эпизоде проявились высокие нравственные начала в богатыре: «это зрелище, оскорбляющее нравственность, вызывает в нем омерзение и негодование».

¹² «Древняя Российская Вифлиофика», т. XX, М., 1791, стр. 274.

¹³ Котошихи, стр. 128.

¹⁴ Забелин, стр. 240.

В следующей фразе В. Я. Пропп пишет: «Негодование его не всегда выражено в песне словесно... Но иногда певцы непосредственно выражают чувство Добрыни:

Тут Добрыне за беду стало,
Будто над ним насмехаются (КД, 9).

То молодому Добрынушке о дело не слюбилося (Гильф, 78)
Тут Добрыне в запрете пришло (Гильф, 17)

Можно увеличить число примеров, в которых певцы обосновывают поведение Добрыни:

Разгорелось у Добрыни ретиво сердце (Г №№ 227, 267)
Покажися то Добрыне за досадушку,
За досадушку да за великий гнев (Мил, № 24).

Ни в одном из приведенных случаев, вообще ни в одном из известных нам текстов, мы не видим ни прямого, ни косвенного указания на то, что голуби оскорбили в Добрыне нравственное чувство.

В древнерусской литературе и устном народном творчестве голубь — это символ нежной и верной любви. «Есть горлица мужелюбивая птица. Всех птиц превъсходящи. Идут обои мужескъ пол и женескъ. И гнездо сътворивши чадо родят. Егда же разлучатся смертию, хранят единобрачие до конца живота своего», — описывается в древнерусском «Физиологе» (XVI в.)¹⁶. В другой редакции о голубе сказано: «Голуб славно ест во птицах»¹⁷. По словам А. Афанасьева, «в допетровской Руси голубя не употребляли в пищу; простой народ и доныне считает за грех стрелять и есть голубей»¹⁸.

Образ голубя постоянно встречается в русских лирических песнях.

Во горенке, во новенькой ходя голубь со голубушкою,
Во голубя во сизаго золотая голова.
У кого-жь у нас братцы молодая жена?¹⁹ (Свадебная песня)
Летал голубь, летал сизой
Со голубушкою,
Что ходил, гулял молодчик
С милой девушкою...
Где ни сойдемся, мы поклонимся,
Где не свидимся, поцелуемся²⁰ (Хороводная песня)

¹⁵ Пропп. Русский героический эпос. М., 1958, стр. 271.

¹⁶ А. Карнеев. Материалы и заметки по литературной истории «Физиолога», О-во любителей древн. письменности, ХСП, 1890, стр. XXV.

¹⁷ Там же, стр. XII.

¹⁸ А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, стр. 541.

¹⁹ Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т. п., СПб., 1900, т. 1, вып. II, № 1982.

²⁰ Там же, вып. 1, 1898, № 503.

Вряд ли голуби могли оскорбить именно нравственные чувства Добрыни. Может быть, былинная ситуация в данном случае получает свое объяснение, что называется, «обратным ходом»: Добрыня стрелял в голубей потому, что ему надо попасть в змея, а, убивая змея, богатырь расправляется с любовью Маринки. Голуби на окончке маринкиного дома, снаружи, символизируют то, что происходит внутри и, целясь в целующихся голубей, Добрыня метит в Маринку и ее дружка. Такой «обратный ход» может объяснить принципы былинного сюжетосложения, но мотивы поступка Добрыни все равно остаются неясными и необъясненными. Конечно, целующиеся голуби — это своеобразный параллелизм в композиции былины. Как целуются-милуются голуби, так целуется-милуется в горнице Маринка со змеем. Но все равно остается вопрос, что движет действиями героя, когда он стреляет из лука. Ревность? — но дальнейший ход событий показывает, что Добрыне нет никакого дела до Маринки и ее любовника, что гораздо дороже для него стрела, которую он пустил в голубей и которой он убил змея. Ее он заботливо ищет, не желая даже разговаривать с Маринкой. Может быть, все-таки оскорблено «нравственное чувство»? — но об этом былина ничего не говорит. По верному замечанию В. Я. Проппа, Добрыня часто даже не знает, что стоит перед теремом Маринки»²¹.

Почему же все-таки Добрыня стреляет в голубей? На наш взгляд, неясность или полное отсутствие объяснения этого поступка Добрыни вытекает из самого идейного замысла былины. Ясной и точной мотивировки и не существовало. Добрыня стрелял потому, что ему так захотелось. Вздумалось — и выстрелил. Это случайный выстрел — факт пустой и незначительный, не имевший ни причины, ни цели. Случайно выстрелил, случайно промахнулся.

(Его левая нога поскользнулася,
А правая рука промахнулася) (К, П, стр. 42)

Случайно убил милого дружка Маринки, оказавшегося в ту пору у нее в горнице. Именно случайно, выстрелом, предназначенным для голубей.

Насколько постоянно имя Маринки, настолько изменчиво имя ее «дружка». Некоторые тексты называют его змеем Горынычем (КД.; О, № 21, Лист, № 21), другие Тугариным Змееви-чесом (Г, №№ 17, 227, 241, 267, 288; Р, № 143; С-Ч №№ 210, 212, 271, 273, 280; Мякушин № 2, 3), в тексте Рябинина он назван

²¹ Пропп, стр. 270.

Татарин-горыница (Г, № 78); иногда его называют Идолище (Одолище) (Г, №№ 316, Мил, № 23, БП и ЗБ, № 14) или Татарин-Одолище-Горюнище (Г, № 122), в некоторых текстах Кощей (Гр II, №№ 37, 59). Наконец, просто змей, змеевич (Мил, прил. 6, КП, стр. 45, Путил, № 215, Т-М, — 25). Очень трудно отдать предпочтение какому-либо имени. Возможно, уже в самые первые годы бытования былины в ее текст вошли все приведенные имена. Но несмотря на такое обилие названий, в них все же усматривается некоторая закономерность.

Все имена милого дружка Маринки известны нам по другим былинам («Добрыня и Змей Горыныч», «Илья Муромец и Идолище», «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», «Иван Годинович и Кощей»). Во всех текстах былины нет ни одного оригинального, самостоятельного имени для этого героя. Как бы друг Маринки ни назывался, это имя взято напрокат из другого былинного сюжета.

Для имени случайно, мимоходом убитого Маринкиного друга выбирается имя из «самых» героических былин, имя сверхъестественного, волшебного чудовища, бой с которым представляет нелегкий подвиг, прославивший Илью Муромца, Добрыню Никитича или Алешу Поповича. То, что в тех былинах было добыто с величайшим трудом, в этой совершается случайно, не-кароком, мимоходом, без всякого напряжения сил. Страшное чудовище, как бы оно ни называлось, Змей Горыныч, Идолище или Тугарин, убит выстрелом, предназначенным для... голубя.

То, что произошло дальше, все тексты, за исключением явно испорченных²², рассказывают примерно одинаково, дополняя друг друга отдельными деталями.

Маринка пеняет богатырю, что он убил ее милого дружка. Она требует от Добрыни, чтобы он или заменил ей убитого полюбовника («сделаем, Добрынушка, со мной любовь» [Г, № 5]) или женился на ней (второе гораздо чаще):

Уж ты ой еси Добрынушка Микитич-блат!
Ты застрелил моего нонца мила друга,
Ты возьми де меня да за себя замуж... (О, № 21)

На все предложения Маринки Добрыня отвечает отказом:

А все груди у тя приулежаны,
Все губы у тебя исцелованы (БС, 1, № 61).

²² К явно испорченным, в первую очередь, мы относим группу в основном пудожских текстов (С—Ч, №№ 11, 81, 280; П—С, № 35; Б. С. П., № 113), в которых образ Маринки вобрал в себя черты злой волшебницы из былины: «3 поездки Ильи Муромца» с эпизодом о «сбрасывающей» кровати.

Или:

Не твой е кус, да не тебе е съись,
Хоте буде съешь, да ты подависся,
Хоте буде глонешь, заклекнуться ти будёт (Г, № 163).

Иногда он просто игнорирует ее:

Ну Добрынушка Маринке-то челом не бьет.
А Марина-то Добрыни низко кланялась.
Он и брал свою да калену стрелу,
Ну пошел Добрыня вон из терема (Г, № 316).

Иногда он проводит у нее целый вечер.

Просидел туту Добрыня день до вечера
А не друг-то другу слово не проговорили.
Да пошел-то Добрынушка из терема (Г, № 227).

Так или иначе, все домогания Маринки оказываются напрасны. Добрыня не поддается ни на какие ее ухищрения. Тогда она прибегает к колдовству и ворожбе.

Да и брала-то два ножика булатные,
А подрезала Добрынины следочки
По следам курва Маринка приговаривала:
«Как я режу-то добрынины следочки,
Так резала Добрынино сердечушко,
А по мне ли по Мариночке Игнатьевской».
Затопляла скоро печку муравленку,
До металла-то Добрынины следочки,
По следам курва Маринка приговаривала:
«Как горят эти Добрынины следочки,
Так горело бы Добрынино сердечушко» (Г, № 227).

Эта поэтическая картина дает почти дословное воспроизведение заговора-присушки с характерной для таких заговоров формулой горения²³, на что обращал внимание уже В. Я. Пропп²⁴. Эпизод можно еще сравнить с аналогичным в повести XVII в. о Савве Грудцыне.

Особенно близки былина и повесть в описании последствий колдовства. Как Маринка «подрезала» и жгла Добрынины «следочки», так жена Бажена Второго, добиваясь любви Саввы Г'рудцына, напоила Савву «волшебным зелием». Волшебство помогло Маринке:

Разгорелось у Добрыни ретиво сердце
По той ли по Маринке по Игнатьевне (Г, № 267)

²³ Е. Н. Елецкая. К изучению заговоров и колдовства в России. М., 1917, вып. I.

²⁴ Пропп, стр. 274.

Помогло волшебство и жене Бажена Второго. Савва выпивает зелье. «И се начат яко некий огнь горети в сердцы его... Егда же испив пития оного, начат сердцем тужити и скорбети по жене оной»²⁵.

Однаково ведут себя и обе женщины, наконец-то добившись победы. Жена Бажена «яко лютая лвица, яростно поглядываща на него и ни мало приветство являше к нему»²⁶.

Но Маринка поступает более коварно. Она еще раз являет свою колдовскую и «еретическую» силу и насмехаясь над беззащитным в своей страсти богатырем, снова вернувшимся к ней, превращает, «оборачивает» Добрыню в Тура с золотыми рогами.

И спустила-то Тура да во чисто поле (Г, № 227)

Без посторонней помощи Добрыне не спастись. Возвращению Добрыне человеческого облика посвящена следующая часть былины. Сопоставляя тексты, исследователь может прийти в растерянность от обилия различных версий этого эпизода. Причем все эти многочисленные версии совсем невозможно классифицировать по географическому принципу.

Так на Мезени называют спасителем Добрыни и мать (БС 1, № 17), и сестру (Гр III, №№ 55, 75), и тетку (БС 1, № 7). Ту же самую сестру мы встречаем в Повенце и на Кенозере. Бабушку-задворенку как спасительницу знают и на Печоре (О, №№ 21, 35; БС 1 №№ 73, 61; БП и ЗБ 14) и в Оренбурге (Мил, № 25). Но многообразие вариантов — только кажущееся. При внимательном их рассмотрении все они сводятся к двум типам.

Следует обратить внимание на рассказ, как узнает спасительница Добрыни о том, что богатырь превращен в Тура. Существуют тексты, в которых вообще этот рассказ отсутствует. Вместо него — одна фраза наподобие следующих:

А проведала Добрыньюшина матушка (Г, № 227)

Или

Услыхала та ииво родная тетушка (Мил, прил. 6).

Есть тексты, в которых даже такой фразы нет. После рассказа, как Добрыня стал Туром, сразу начинается рассказ о том, что было предпринято материю, сестрой, теткой или бабушкой-задворенкой. Несомненно все эти тексты просто утратили

²⁵ Повесть о Савве Грудыне. «Русская повесть XVII в.», 1954, стр. 86.

²⁶ Там же.

эпизод, который мы находим в большом количестве других записей.

Узнавание, что Добрыня превратился в Тура, происходит двумя путями: 1) Матери, тетке или бабушке-задворенке сообщают, что в чистом поле появился новый, особенный, десятый Тур; 2) Маринка на пиру у Владимира или у себя дома хвастает, что обернула Добрыню Туром.

Первый вариант наиболее полно представлен в текстах, в которых спасителем Добрыни являются его тетушка или бабушка-задворенка. Причем эта бабушка-задворенка оказывается ему тоже не чужой. Добрыня — ее крестник. Когда ее дочери приходят и сообщают ей, что видели 10 Туров, а десятый пласал, бабушка-задворенка сразу узнает в плачущем Туре своего крестника. Так рассказывают печорские тексты (О, №№ 21, 35; БП и ЗБ, № 14).

Тетка тоже узнает о плачущем Туре от своих дочерей и сразу догадывается, что речь идет о ее племяннике (см. печорский текст БП и ЗБ, № 75 и Мезенский БС 1, № 7). В одном онежском тексте тетке сообщают пастухи о Туре, который топчет ее стада гусей, лебедей, овец и разгоняет коней (Г, № 5). В алтайском — о Туре тетке сообщают калики (Т-М, № 27). Таким образом, разница между образами бабушки-задворенки и тетушки очень невелика, почти в одном имени.

Сестра узнает о превращении Добрыни на пиру. Такой вариант известен в 4-х текстах: один — из Симбирской губернии (К, П, стр. 43), два с р. Моши (Г, № 316 и Мил, № 23) и один — нижне-колымский (Мил, № 24).

Тексты, в которых Добрыню выручает мать, распределяются следующим образом. Большинство таких текстов, в основном онежских, не сообщают, как мать узнала о печальной участии своего сына (Р, № 192, Г, №№ 17, 227, 267; БС П, № 186 и БС 1, № 17). В двух кулойских текстах (Гр П, №№ 37 и 59) матери, как тетушке и бабушке-задворенке, о Турах сообщают дочери, сестры Добрыни.

Наконец два текста — очень симптоматичных. В одном мать просит бабушку-задворенку помочь ей найти и спасти Добрыню (Р, № 143). В другом — на пиру у Владимира присутствуют Маринка, мать и крестная Добрыни, т. е. опять бабушка-задворенка. Когда Маринка расхвасталась, мать с плачем жалуется на нее своей кумушке, крестной Добрыни, которая и выручает своего крестника (КД, № 9). Оба текста свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что образ матери появился позднее, что он стал вытеснять более старую бабушку-задворенку, которая в этих

переходных текстах еще сохранила свое значение наряду с матерью.

Трудно сказать, какой вариант более древний: тот ли, в котором Добрыню выручает бабушка-задворенка (тетка), узнавшая о превращении Добрыни от своих дочерей, или тот, в котором Добрыню выручает сестра, узнавшая о Добрыне на пиру. Нам думается, что первый вариант более древний, но и второй, известный в различных местах России, мог появиться не позже XVII в.

Несмотря на все различие этих двух вариантов у них есть одна общая существенная черта. Оба они — реминисценции из других былин. Пир у Владимира — это широко распространенное loci communis. Но и эпизод с рассказом о плачущем Туре очень напоминает по своему композиционному рисунку вступление о Турах к былине о Батыге и Василии Игнатьевиче, вступление, которое нередко исполнялось как самостоятельная песня²⁷. В былине о Василии Игнатьевиче Туры златогорие рассказывают своей матери о плачущей красной девице, которая ходила по Киевской городовой стене. В былине о Добрыне и Маринке 2 девушки-сестры рассказывают своей матери о плачущем Туре златогором, который «похаживает» по чисту полю. Композиционная схема несомненно одна и та же.

Конец былины почти во всех списках в основном одинаков. Узнав, что Добрыня обращен Туром, сестра или бабушка-задворенка, мать или тетка грозят Марине обернуть ее самое сорокой, сукой или клячей водовозной.

Марина соглашается вернуть Добрыне человеческий облик с условием, что он женится на ней. В конце концов Добрыня соглашается. Но получив власть над ней, как над своей женой, он казнит ее: расстреливает из лука, отрубает ей голову или, как в былине о Иване Годионовиче, «учит» ее, отсекая ей ноги, руки, губы и голову. На этом былина обыкновенно заканчивается. Изредка она имеет дополнительную концовку:

Я вчера-то был да я женат ходил,
Сегодня я да как и вдов хожу. (Г, № 316)²⁸.

Уже давно было отмечено, что былина о Добрыне и Маринке «состкана» из сказочных мотивов, «местами только переставленных, измененных или, правильнее, искаженных»²⁹. Первые исследователи называли Маринку Киркой, тем самым сопос-

²⁷ А. М. Астахова. Былины Севера. М.—Л., 1951, т. II, стр. 707.

²⁸ Подобно Г, №№ 5, 163; Т—М, № 26, Мил, № 23.

²⁹ Н. Ф. Сумцов. Былина о Добрыне и Маринке. — «Этнографическое обозрение», 1892, № 2—3, стр. 144.

тавляя былину с «Одиссеей». Действительно, в обоих произведениях богиня или колдунья обворачивает людей в животных. Но в «Одиссее» главный герой, при помощи бога Гермеса, избежал печальной участи всех попавших в обиталище богини и даже освободил своих товарищей. Добрыня же сам испытал на себе чары Маринки и в освобождении своем по существу не участвовал.

В. Ф. Миллер³⁰, Н. Ф. Сумцов²⁹, В. Андерсон³¹ и др. собрали большой материал, объединенный общей сюжетной схемой, которая в своих основных чертах сводится к следующему. Злая волшебница или колдунья из недоброжелательства к герою обращает его в животное. После различного рода перепитий герою возвращается человеческий облик усилиями еще более могущественного колдуна. Этот бродячий сюжет хорошо известен мировому фольклору, неоднократно встречаясь в индийских сказаниях, сказках «1001 ночи», в монгольской Гэсериаде, в немецких сказках, в нартском эпосе. Русскую версию этого сюжета мы находим в сказках, помещенных в указателе Андреева-Аарне под № 449; А. Царская собака и В. Жена-колдунья (Сиди-Нуман).

В. Андерсон, собравший обширный фактический материал русский и других народов на сюжет о вынужденных оборотнях, считал, что сходство между сказками и былиной «весьма общее и поверхностное», что «такого сходства недостаточно для установления несомненного генетического родства. Возможно, конечно, что былина о Маринке является переделкой сказки о «Царской собаке», но в таком случае последняя при обработке утратила все свои действительно характерные черты и приобрела взамен этого ряд других, которых раньше не имела»³².

Эти новые черты, отличающие былину от сказки, возникли в первую очередь от того, что бродячий сказочный сюжет о волшебницах и оборотнях был перенесен в стихию героического эпоса. То, что Маринка превратила в тура прославленного богатыря, накладывает на весь рассказ особый отпечаток пародийности. Былина обладает очень ясным и устойчивым вторым планом: оборотнем стал богатырь, давно известный в былевом эпосе, многие мотивы сюжета былины «Добрыня и Маринка» должны были напоминать аналогичные мотивы в былине «Добрыня и змей». В обоих произведениях мы встречаемся с матушкой Добрыни, князем Владимиром и извечным врагом богатыря

³⁰ В. Ф. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, прил. стр. 20—22.

³¹ В. Андерсон. Роман Апулея и народная сказка. Казань, 1914.

³² Там же, стр. 300—301.

Змеем Горынычем. Композиционные схемы обоих былин очень близки друг к другу. Так, в обоих произведениях мать предостерегает сына от опасной встречи, вопреки воле матери сын идет навстречу опасности, побеждает змея, попадает в затруднительное положение, из которого он может выбраться только с посторонней помощью.

Но сходство лишь усиливает, подчеркивает контраст между этими двумя былинами.

Если в былине «Добрыня и змей» богатырь служит князю Владимиру, спасая от лютого змея его племянницу (если в былинах о Дунае и Василии Казимировиче он выполняет сложные дипломатические поручения), то в былине о Маринке он прислуживает у княжеского стола. Чтобы еще больше подчеркнуть незначительность такой службы, показать ее в нарочито комическом плане, былина рассказывает, как Добрыня не поднимался, а опускался по иерархической придворной лестнице (стольничал — чашничал — в воротах стоял).

В былине «Добрыня и змей» богатырь просит благословения у матери, чтобы отправиться «поляковать» в чистое поле. В былине «Добрыня и Маринка» описываются сборы богатыря, отправляющегося погулять по городу, а мать теперь предостерегает Добрыню не от встречи с чудовищным змеем, а от встречи с женщиной легкого поведения.

Борьба со Змеем Горынычом составляет главное содержание первой былины, изображающей победу над чудовищем как героический подвиг. В былине «Добрыня и Маринка» убийство змея не представляло никакой трудности. Добрыня убил его совершенно случайно, во время невинной забавы, промахнувшись и не попав в цель — в целующихся голубей. Да и сам Змей Горыныч, страшное многоголовое чудо, низведен в былине до положения маринкиного любовника, милого дружка.

Требование Маринки жениться на ней — тоже пародийно. Мы знаем много произведений, где герой добывает невесту. Здесь, наоборот, герой — в роли «добыываемого» жениха.

В былине о бое со змеем Добрыня, победив врага и освободив племянницу Владимира, отказывается жениться на ней. В той былине этим подчеркивалась бескорыстность богатыря, государственный характер его подвига. Теперь в этой былине «не поддающийся» на женские ласки характер Добрыни переосмысливается комически, как «бесчувственность». Не обращая внимания на ласковые слова Маринки, наш герой «словно бык прошел». Это сравнение, встречающееся в некоторых текстах, как бы подготавливает следующий эпизод. Запросто победив змея, Добрыня оказывается беспомощным перед жен-

скими чарами. Маринка одерживает над ним самую решительную победу. Он не в силах устоять против ее «колдовства», воспламеняется лютой страстью, а с влюбленным богатырем Маринка может делать что угодно.

«Ну когда Добрыня на своей воле гулял,
А нынче, ты, Добрыня, на моих руках.
Захочу, Добрынюшку я обверну,
Обверну Добрыню я сорокою,
Обверну Добрыню я вороною,
Обверну Добрынюшку я свиньею,
Обверну Добрынюшку гнедым туром» (Г, № 163).

Вчера «бесчувственный» Добрыня «словно бык прошел», сегодня влюбленного богатыря обворачивают златогорим туром.

Мы не можем согласиться с В. Я. Проппом, с его оценкой чувств Добрыни Никитича: «то, что ощущает Добрыня — не любовь, — пишет он. — ... Его влечет к ней колдовская сила, против которой он безоружен»³³. В те далекие времена не было этого противопоставления любви и колдовской силы. Иначе мы не могли бы сейчас говорить о любви Елены к Парису, ведь ее заставляет любить его Афродита, о чистой и прекрасной любви Тристана и Изольды, ведь она возникла в результате того, что оба выпили приворотный напиток. И в русской литературе, по существу, первое описание любви как сильной страсти мы находим в повести XVII в. о Савве Грудцыне, в которой рассказывается, как возникло это чувство опять-таки под влиянием приворотного зелья. Дар богини любви, колдовской напиток, заговор — все это были попытки объяснить иррациональный характер любви, выразить ту мысль, что человек не волен над своими чувствами. Но любовь оставалась любовью независимо от того, какими путями она пришла.

И Добрыня по-настоящему влюблен, и сказители умели описать нам влюбленного богатыря.

Взяло Добрыню пуще вострого ножа...
Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест,
Со полуночи Никитичу не уснется (КД, 9).
И не может Добрынюшка Никитич
Без Маринки ни жить, ни быть,
Ни жить, ни быть и ни есть, ни пить (Р, № 192)³⁴

Влюбленный богатырь — это уже само по себе новость, потому что героические былины, в частности былина «Добрыня и змей», раскрывает героя только в сфере его подвига, нимало

³³ Пропп, стр. 274.

³⁴ Примеры взяты у Проппа, стр. 274.

не заботясь о его личных переживаниях. Даже в тех былинах, где рассказывается о сватовстве или женитьбе богатыря, ничего не говорится о его чувствах.

Итак, влюбленного Добрыню Маринка превращает в златогорого Тура. И Добрыня бессылен что-либо предпринять. Богатырь, победитель змея... плачет. И худо бы ему пришлось, если бы не... бабушка-задворенка, мать Добрыни или его сестра.

Независимо от того, кто спасает Добрыню Никитича, смысловая нагрузка эпизода от этого не изменяется. В героическом эпосе герой нередко спасает свою сестру. В нашей былине — наоборот: сестра спасает богатыря. То же пародийное значение имеет и образ бабушки-задворенки. Спасение приходит от самого последнего, самого незначительного, самого слабого. В народном творчестве это прием не новый. Им нередко пользуются в целях снижения, «заземления», пародирования возвышенного и героического. Привнесение в героический эпос бродячего мотива о невольных оборотнях выполнило ту же основную задачу — заставить былину зазвучать пародийно³⁵.

Теория поэзии знает различные виды пародии. В одних случаях главным средством является язык. При этом одинаково возможны и рассказ «низким» стилем о «высоких» предметах (например, многочисленные «Энеиды наизнанку»), и, наоборот, рассказ «высоким» стилем о «низменных» предметах (например, «Елисей» В. Майкова). Но возможны произведения, в которых средством пародии является не язык, а ситуация, когда дается «новая интерпретация» известному герою, когда по-новому, в переосмысленном виде дается «объяснение» его поведения, когда, наконец, приводятся «новые факты» его биографии, снижающие этот образ. Так у первобытных народов многие мифы и легенды имели своего дублера — сниженный, юмористический, пародийный вариант. «Многие анекдоты о

³⁵ По просьбе автора статьи музыковед Б. И. Рабинович провел исследование нотных записей былины «Добрыня и Маринка». Он обратил внимание, что напевы нашей былины в казачьих вариантах (донских и уральских) и варианте из сборника Кирши Данилова в отношении мелодического распева, интонационных оборотов и квадратности стоят особняком среди напевов других казачьих былин. В казачьей среде напеву былины о Добрыне и Маринке свойственны отсутствие распева (или очень короткий распев) и квадратность — черты, обычно присущие шуточным и плясовым жанрам, а также походным маршевым песням типа солдатских. Нельзя ли предположить, что в данном случае казачий материал сохранил более древнее различие между напевами нашей былины и другими, различие, не сохранившееся на севере, где каждый сказитель поет весь свой репертуар на один (эпический) напев. Может быть, близость напева былины о Добрынине и Маринке к шуточным и плясовым песням не случайна?

проделках мифического героя представляют собой пародийную интерпретацию мифов творения или карикатуру на шаманизм, сатирическое изображение тех или иных обрядов», — пишет Е. М. Мелетинский³⁶. Известно, что кроме героического Геракла, античность знала и Геракла комического. В эпоху Возрождения во Флоренции существовали уличные сказители — кантастории, рассказывавшие о подвигах героев поэм каролингского цикла и романов «круглого стола». В их рассказах «наивная фантастика сочеталась с комической, бытовой трактовкой некоторых персонажей и эпизодов»³⁷. В югославском эпосе есть произведения, в которых Кралевич Марко совершают уже далеко не героические поступки: пропивает жену, пугается змея и убегает³⁸.

Былина о Добрыне и Маринке пытается по-новому, с новых позиций осветить широко известный образ русского богатыря. И это не единственная былина, в которой ранее героический образ снижается, дается в переосмысленном виде. Несомненно, что былина «Вольга и Микула» переосмысливает образ вешего князя, чудесного охотника, храброго предводителя дружины, образ, данный в былине о Вольге. В былине «Вольга и Микула» образ князя снижается, Вольга оказывается посрамленным крестьянином Микулой. В былине «Неудачная женитьба Алеши» снижен образ Алеши Поповича.

Судя по всему, былина «Добрыня и Маринка» в том виде, как она нам известна, возникла в XVII в., когда пародия была на Руси одним из излюбленных поэтических средств. Так, в «Сказании о крестьянском сыне» пародируется священное писание, цитаты из которого, попадая в чуждый ему контекст, обретают комический смысл. В «Службе кабаку» пародируется церковная служба в честь мученика: вместо святого «прославляется» пьяница. В «Повести о Ерше Ершовиче» пародируется судопроизводство.

В фольклоре XVII в. известна пародия на общественный строй «Сказание о птицах»³⁹. В песне «Агафонушка» пародируется известное былинное вступление:

Высока ли высота потолочная,
Глубока ли глубота подпольная (К. Д., № 27).

³⁶ Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки. М., 1958, стр. 10.

³⁷ С. С. Мокульский. Итальянская литература. М., 1966, стр. 107.

³⁸ Български народни песни. Собрани от братя Миладиновици. Загреб, 1861, №№ 101, 113.

³⁹ Об этом см.: В. Г. Сомилицкий, Т. А. Тургенева. Четыре произведения народной сатиры. — ТОДРЛ, т. XVII, 1961, стр. 502.

Пародиен отрывок «Благословите, братцы, про старину сказать»:

Во те времена первоначальные
А и сын на матере снопы возил,
Молода жена в припряжи была (К.Д., № 42).

XVII век на Руси — это время переоценки всех старых ценностей, когда рушились все традиционные представления, даже понятия «царь» и «бог» не избежали общей участи. То, что вчера было свято и незыблально, сегодня подверглось осмеянию и пародированию. Но этот процесс ломки старого таил в себе огромную созидательную силу, подготавливая реформы начала XVIII в.

XVII в. — век крестьянских войн и религиозных брожений, век исканий и сомнений, был в то же время веком, создавшим замечательные произведения поэтического искусства. «Повесть о горе-злачествии», «Фрол Скобеев», с одной стороны, страстные вззволнованные послания и «Житие» Аввакума, с другой — все это было разное проявление мятущегося духа русского человека XVII в., неудовлетворенного жизнью, видящего, как рушатся все вчерашние твердыни и ищущего, что противопоставить им взамен. Именно в это время впервые в русской литературе появляются произведения, в центре которых стоит простой человек со своими страстями и сомнениями, полный самых противоречивых чувств. Впервые в русской литературе появляются и произведения с неприкрытым установкой на вымысел, т. е. произведения художественной литературы, в которых полностью отсутствует претензия на историческую достоверность, как это было в житиях, летописных повестях и всевозможных сказаниях.

Создатели сказания о бражнике, о Куре и лисице, повестей о Ерше Ершовиче, о Фоме и Ереме уже не требуют от читателя веры, что это происходило на самом деле. Они и их читатели уже осознали огромную эстетическую и художественную силу поэтической фантазии.

Устная народная поэзия не осталась в стороне от всех этих новых веяний, и былина «Добрыня и Маринка» — плод своего времени.

Пародировались не только формы судопроизводства и церковной службы. Пародировались и отжившие поэтические формы. В условиях нового времени уже не могли появляться эпические образы, подобные героям былин об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, Алеше Поповиче и Тугарине, Добрыне Никитиче и змее. Эпические герои, раз возникнув, не теряют своей поэтической привлекательности, и былины об этих героях

ях и их подвигах продолжали занимать воображение русских людей. Но новые произведения должны отвечать новым требованиям. В них должно было отразиться недоверие к старой правде, поиски правды новой и эти поиски могли вылиться в форму пародии даже на самое дорогое и близкое. В данном случае пародия не отрицала пародируемое, а показывала как в новых условиях невозможно сохранить старые представления о подвиге, о человеческом достоинстве, о службе князю.

Былина о Добрыне и Маринке является пародией, в том значении этого слова, в котором являются пародией «Дон-Кихот» и «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Эта былина не так «исторична», как «литературна». Она использует образы уже известных былин, заимствует из русской сказки отдельные мотивы о колдуньях и оборотнях, использует народные поверья и заговоры. Она стала вровень с русской поэзией своего времени и в отношении вымысла. Если более ранние былины всегда опирались на предание и в этом смысле всегда в основе своего сюжета несли обязательное историческое зерно, то здесь уже ясно выступает задание на вымысел.

Исследователи давно обратили внимание на сходство имени героини былины с Мариной Мнишек. Действительно, имя Марины, Маришки почти не знает вариантов. Оно так же постоянно, как имя самого богатыря. Вместе с ними из текста в текст постоянно переходят производные слова от имени Игнатий: Игнатьевной многие тексты называют Марину, другие уточняют «адрес», где находится ее дом: «Маринкина улица, Игнатьевский переулок»⁴⁰. Соседство этих двух имен уже обратило на себя внимание Ровинского⁴¹ и В. Ф. Миллера⁴². По их мнению, имя Игнатия «восходит к имени тесно связанного с событиями того времени и с венчанием Марины Мнишек, ненавистного народу, патриарха грека Игнятия, поставленного Лжедмитрием на место свергнутого Иова и затем сведенного с патриаршьего престола вслед за убиением самозванца»⁴³.

В сочинениях, написанных по горячим следам событий смутного времени и отражающих мнение современников, Игнатий предстает как «единогласник ростригин»⁴⁴. Ходили

⁴⁰ К П, стр. 45; Р, №№ 143, 188, 192; Г, №№ 17, 227, 241, 267, 288; С—Ч, № 11; П—С, № 35, Гр. Ш, №№ 55, 75; ЕД № 9, Мил. № 23.

⁴¹ Ровинский. Русские народные картинки, IV, СПб, 1881, стр. 79.

⁴² В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II. М., 1910, стр. 290—291.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Повести кн. И. М. Катырева-Ростовского. Русская историческая библиотека, т. XIII, СПб, 1909, стлб. 582.

слухи, что Игнатий был тайным униатом, даже католиком, в некоторых памятниках о нем прямо говорится, как о еретике⁴⁵. И в первую очередь как богоотступнику и еретику ему вменялось в вину венчание на царство католички Маринки Мнишек. «Патриарх Игнатий, — говорил впоследствии патриарх Филарет, — угощая еретикам латынской веры, в церковь соборную пресв. владычицы нашей Богородицы введе еретическая папежская веры Маринку, святым крещением... не крестил ю, но токмо единем св. миром помаза и потом венчал с тем разстригою»⁴⁶. Таким образом, в сознании людей XVII в. «еретичка» Маринка и «еретик» Игнатий были объединены как самые близкие к «расстриге» люди. Отсюда уже недалеко до того, чтобы Маринка превратилась в дочь Игната, в Маринку Игнатьевну, как недалеко от Маринкиной улицы до Игнатьевского переулка.

Упоминание имен Маринки и Игната — это реплика, обращенная к злобе дня, деталь, близкая, понятная и дорогая современникам приправа, придающая произведению островерту и своеобразную пикантность. Но эта деталь никак не исчерпывает содержания произведения и по существу к развитию сюжета, к развитию действия былины не имеет никакого отношения.

Историчность былины заключается не в ее связях с преданием, не в отражении какого-то исторического факта, не в упоминании «исторических» имен, а в отражении духа эпохи с ее сомнениями и скептицизмом, с ее стремлением пародировать все стороны действительности, с ее интересом к внутреннему миру человека, его чувствам и переживаниям.

ПРИНЯТЫЕ В СТАТЬЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БП и ЗБ — Былины Печоры и Зимнего берега. М.—Л., 1961.
БС — А. М. Астахова. Былины Севера, М.—Л., т. 1, 1938, т. II, 1951.
Г — А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. I—III., М.—Л., 1949.
Гр — А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I. М., 1904; т. III, СПб, 1910.
К — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—IV. М., 1868.
КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, М.—Л., 1958.

⁴⁵ История о первом патриархе Иове. РИБ, стлб. 937.

⁴⁶ Макарий. История русской церкви. т. X. СПб, 1881, стр. 122.

- Лист — А. М. Листопадов. Донские былины. Ростов-на-Дону, 1945.
- Мил — Былины новой и недавней записи, ред. В. Ф. Миллер. М., 1908.
- Мякутин — А. И. Мякутин. Песни Оренбургских казаков. Оренбург, 1905, вып. II.
- Мякушин — Н. Г. Мякушин. Сборник уральских и казачьих песен. 1890.
- О — Н. Ончуков. Печорские былины. СПб, 1904.
- П-С — Былины Пудожского края, подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова, Петрозаводск, 1941.
- Пруссак — А. Пруссак. Былины, бывальщины и три песни.— Живая старина, 1915, вып. III.
- Путил — Песни гребенских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и комментарии Б. Н. Путилова. Гроздный, 1946.
- Р — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I—III. М., 1909.
- С-Ч — Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова, подготовка текстов к печати В. Чичерова, М., 1948.
- Т-М — Русские былины старой и новой записи, под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы.
-

Э. В. Померанцева

ОБРАЗЫ НИЗШЕЙ МИФОЛОГИИ В РУССКОЙ БЫТОВОЙ СКАЗКЕ

При анализе генезиса многих фольклорных образов и сюжетов, а также при изучении истоков ряда жанров устной поэзии необходимо учитывать роль в процессе их становления мифологии. Вопрос этот неоднократно служил предметом исследования как русских исследователей, так и зарубежных, начиная с первых шагов нашей науки и вплоть до сегодняшнего дня. Народные верования не только во многом определяли ранние стадии развития фольклора, но продолжали